

*5 июля 2021 года умер Володя,
закатилось мое солнышко.*

Книга написана за год до...

Пролог

Сейчас 2019 год, июнь, мне — семьдесят семь. В сорок пять я уже получала предложение написать книгу — была в те годы на пике популярности, «Москва слезам не верит» с триумфом прошла в кинотеатрах нашей огромной страны, картина уже получила множество наград, «Оскара» в том числе. Вышел на экраны и фильм «Время желаний» Юлия Райзмана, где я сыграла главную роль, — и снова награды и внимание публики... Но предложение написать книгу застало меня врасплох. Книга?.. О себе?..

Конечно, я видела в магазинах и киосках немалое количество актерских биографий, напечатанных в журнальном формате, мягкой обложке и часто на плохой бумаге. Но мне казалось, это какое-то странное поветрие, дань мимолетной моде. О времени и о себе пишут солидные люди или биографы — о тех, кто оставил яркий след в истории. А я?.. Что я? Я еще ничего особенного не сделала, я еще только озираюсь, осознаю, начинаю... Конечно, Пушкин в тридцать семь уже покинул этот мир, а роскошная Грета Гарбо в тридцать шесть перестала появляться на публике и больше никогда не снималась. Но я-то в свои тридцать семь только начала завоевывать киноэкраны!

Предложение написать книгу поступило, когда у меня уже был большой опыт работы на сцене, много сыгранных главных ролей. Я — актриса, и в первую очередь актриса театральная. А писательство... Писательство казалось мне

чем-то противоположным актерству, иным способом осмысления жизни. Единственный мой тогдашний литературный опыт — многочисленные правки в интервью, которые присылались на утверждение. За годы шестивия моих героинь по киноэкранам интерес к актрисе, их сыгравшей, не утихал, интервью брали часто, и я вносила правки, чтобы сохранялась моя интонация. Но интервью — это живой, сиюминутный разговор, книга же — нечто фундаментальное. Нет, я абсолютно не готова, решила я тогда. И понимаю теперь, решила правильно.

В 2019 году умер Сергей Юрский. Среди многих прекрасных слов о нем в прессе и соцсетях мне попало его стихотворение, написанное в 1979-м. Боже мой! Как это похоже на меня! Юрскому было тогда сорок четыре года, и в его жизни уже случилось так много важнейших событий... Но он их не заметил! Или не придал им должного значения?

Стихотворение меня ошеломило, даже ранило.

*Все начнется потом, когда кончится это
бесконечное, трудное, жаркое лето.
Мы надеемся, ждем, мы мечтаем о том,
чтоб скорее пришло то, что будет потом.*

*Нет, пока настоящее не начиналось.
Может, в детстве, ну в юности самую малость
Может, были минуты, ну, дни, ну, недели...
Настоящее будет потом, а на деле*

*На неделю, на месяц и на год вперед
столько необходимо-ненужных забот,
столько мелкой работы, которая тоже
никому не нужна, нам она не дороже,
чем сиденье за скучным и чуждым столом,
чем мельканье чужих городов под крылом.*

*Не по мерке пространство и время края,
самолет нас уносит в чужие края.
А когда мы вернемся домой, неужели
не заметим, что близкие все почуждели?*

Я и сам почужел.

*Мне ведь даже неважно,
что шагаю в костюме неважно отглаженном,
что ботинки не чищены, смято лицо,
Что на встречах, на женщин, гляжу с холодцом!*

*Это не земляки, а прохожие люди,
это все к настоящему только прелюдия.
Настоящее будет потом. Вот пройдет
этот суетный, мелочный, маятный год,
и мы выйдем на волю из мучавшей клетки.
Вот окончится только тысячелетье...*

*Ну, потерпим, потрудимся, близко уже
В нашей несуществующей сонной душе
все уснувшее всхлипнет и с криком проснется!!
... Вот окончится жизнь – и тогда уж начнется...*

Как похоже на мое ожидание главного в жизни и совершеннейшее небрежение к происходящему в сию минуту! Небрежение к событиям важным! Неповторимым! Значительным, изменившим жизнь! Конечно, в каждом случае найдется масса объективных причин этого небрежения, но главным образом так происходило именно потому, что казалось, *все начнется потом!*

Что же теперь, мое «потом» наступило?

Когда пару лет назад снова последовало предложение написать книгу, я вяло подумала, что, пожалуй, стоит. Возник вариант работы с соавтором (не секрет, что многие мемуары людей известных — надиктованный рассказ, который обработал редактор). Но я понимала, что работать с соавтором не решусь — чужая интонация не всегда точна. Да и диктовать свой текст тоже казалось идеей странной. Словом, размышляла я еще пару лет.

Но когда прочла стихотворение Юрского, я то и дело стала к нему мысленно возвращаться и однажды поняла окончательно — время пришло. Я готова вспомнить про-

шедшее и, главное, осмыслить и оценить его по достоинству.

Решила писать сама. Допускаю, что с запозданием. Скажем, в пятьдесят лет и память еще не играет с нами в прятки, и воспоминания, наверное, ярче, и мысль легкокрыла. А с другой стороны, когда 80-летнего Сомерсета Моэма спросили, совершал ли он серьезные ошибки в жизни, последовал ответ: да, одну, когда в шестьдесят написал книгу «Подводя итоги». И хотя он — великий писатель, а я — актриса, пытающаяся преуспеть на чужом поприще, слова этого мощного, остроумного старика рассмешили и придали сил.

С того времени, когда мне впервые предложили написать воспоминания, утекло много воды. Стала другой страна, издается много разных книг, но главное, теперь любой может напечатать свою и, что удивительно, находятся читатели даже для совершенной чепухи! И это тоже вдохновляет, снимает ответственность, развязывает руки.

Еще одно важное открытие убедило сесть за книгу: оказалось, что выражение «врет, как очевидец» на сто процентов верно!

Однажды мы с мужем вспоминали какое-то событие нашей жизни и выяснилось, что мы его помним до такой степени по-разному, что второму участнику и узнать-то его практически невозможно. Более того: когда к нам присоединилось молодое поколение в лице нашей дочери и мы стали вспоминать события, участниками которых были все трое, дело дошло до шумных споров. В наших воспоминаниях не обнаружилось практически ничего общего.

Да как же так? Почему?

Я это поняла, но не сразу, позже.

Проблема вовсе не в том, что каждый приукрашивал факты в свою пользу или преувеличивал собственную роль в этих историях: проблема — в личностном восприятии. А личности мы настолько разные, что оказалось, и вспоминаем, и оцениваем факты по-разному. Я вдруг поняла,

что «очевидец» не врет, что голых фактов в воспоминаниях не бывает, — они наполнены воздухом времени, окрашены возрастом, настроением, сиюминутным течением мысли и даже запахом. Так что, смирившись с многолетним заблуждением, что семья — это нечто единое в воспоминаниях, и заранее согласившись, что и сама могу быть неточной, легко берусь за эти записки о времени, в котором родилась, жила и пока еще живу.

Детство

Мой Север

Я родилась на Русском Севере и прожила там пять с небольшим лет. Потом еще четырнадцать вместе с мамой колесила по стране, жила в разных городах нашего огромного Советского Союза: на Украине, в Узбекистане, в средней полосе России. Наконец, я остановилась в столице и задержалась в ней надолго. В Москве прошла вся моя сознательная жизнь, появились на свет моя дочь и внуки, но Север никогда не покидал меня: он притаился и неизменно присутствовал в моей жизни, пусть и странным образом. Он отзывался в сердце, когда приходилось слышать: «Архангельск», «Вычегда», «Котлас», «Северная Двина», «Вологда», «Великий Устюг», «Сухона», «Печора»... Или, например, «шанежки», «вологодское масло»...

В памяти не возникали образы, эти названия обозначающие, — это просто были знакомые слова, от которых на душе становилось тепло. Их я слышала от мамы, когда была совсем маленькой, а потом, пусть и нечасто, они могли прозвучать с телеэкрана, попадались в книгах — и всегда были родными. А если их произносил случайный человек, то и он сразу становился ближе, хотелось узнать о нем больше — я даже могла поделиться с таким человеком сокровенным переживанием.

Северная Русь жила во мне всегда, я считала ее своей малой Родиной. Не раз мне выпадала возможность почувствовать гордость за свои корни, так случилось однажды в Бельгии.

В 1981 году на международном кинофестивале в Брюсселе мне присудили приз «Лучшая женская роль» за «Москва слезам не верит», но побывать там я не смогла — была на гастролях. Однако организаторы фестиваля настояли, чтобы я все-таки приехала в Брюссель позже и получила награду. И это неудивительно, европейцы в те годы относились к Советскому Союзу и нашему искусству с любопытством.

По случаю моего приезда даже открыли ратушу, куда в обычные дни посетителей не пускали, и мэр города в торжественной обстановке лично вручил изящный приз «Сан-Мишель». Публика разглядывала меня изумленно, едва ли не разинув рты. Я понимала, конечно, что о жизни в СССР бельгийцы знают мало, но все-таки удивилась такому пристальному вниманию.

Это была одна из первых моих поездок за рубеж, но со временем я привыкла к дремучести дальнего зарубежья. Особенно после того, как в Канаде милая дама, осмелев от выпитого бокала вина, призналась, что очень удивилась, когда увидела в фильме наши дома, улицы и, собственно, меня. На мой вопросительный взгляд дама доверительно ответила: «Мы были уверены, что в России все засыпано снегом, очень холодно, медведи ходят по улицам, а люди одеваются в шкуры». Я вначале подумала, что дама неудачно шутит, но она целый вечер восторгалась, что одета я по-европейски и у нас есть многоэтажные дома.

В Брюссель я прилетела одна, без какого-либо сопровождения, и не была узнана человеком, встречавшим меня в аэропорту. Дело в том, что к тому времени мои волосы из темно-русых, как в «Москве...», превратились в светлый блонд — съемки в новом проекте требовали сменить цвет.

Получив багаж, я стояла, неуверенно озираясь по сторонам, и только тогда встречающий обратил на меня внимание. Он подскочил и спросил по-французски, я ли это. Убедившись, что я — это я, он долго извинялся, что не узнал, удивлялся, что у меня светлые волосы, а после поинтересовался, где же люди из КГБ. Французский мой был весьма

слаб, но восторг бельгийца, нашедшего наконец гостью из Москвы, оказался так велик, что я почти все поняла.

Визиту советской актрисы было уделено много внимания в прессе. Возможно, еще и потому, что на фестивале случилось происшествие: кто-то сорвал флаг СССР у кинозала, украшенного знаменами стран-участниц. Писали много и о моем «элегантном образе», и об отсутствии сопровождающих из КГБ.

Свой первый международный приз мне захотелось отметить — сделать себе брюссельский подарок. И вот, увидев в витрине небольшого магазинчика очаровательное платье, я решила его купить, если, конечно, вещь окажется впору и денег хватит — валюты у меня было совсем немного, а приз денежной составляющей не предполагал.

Примерив платье, я показала переводчице, мол, как оно смотрится? Незнакомую речь услышали продавщицы, заинтересовались покупательницей, а узнав, что я русская, удивленно зашебетали, сбегали в соседний отдел, привели с собой еще коллег и все вместе уставились на меня. Я им явно понравилась, платье сидело хорошо, и восторженные взгляды продавщиц окончательно разрешили мои сомнения по поводу покупки.

Когда я уже собиралась уходить из магазина с платьем под мышкой, меня спросили через переводчицу: «Признайтесь, вы ведь не русская? Все русские черноволосые, низкорослые, широкоплечие, а вы — высокая, тоненькая и беленькая». Мне было обидно услышать такое мнение о наших женщинах, и я с гордостью расхвасталась, что совершенно точно отношусь к «русской популяции», потому что в северные края, откуда я родом, и татаро-монголы не дошли за 300 лет ига, и немцы за пять лет войны. Так что я — коренная, исконно русская. И не верьте никому, сказала я, совсем не смущаясь, русские — очень красивая нация.

Почти через полвека после того, как я покинула Север, мне удалось показать мужу свою малую Родину. Это путешествие отозвалось в сердце знакомым разговором, как у моей

мамы, и встречей со сказочной природой. Мы приехали зимой, город моего деда был сверкающим и бело-голубым от мягкого снега и ледяных веток замерзших деревьев. Он казался бескрайним. В необъятном снежном пространстве едва угадывалась вставшая река Сухона, ледяная и строгая. А еще из-за множества храмов, таких же белых, как снег, город предстал перед нами величественным и гордым. При встрече с людьми неспешными, теплыми и радушными, так непохожими на вечно спешащих москвичей, вспомнилось мамино: «У нас двери ни у кого не запирались, наоборот, если из дома уходили, то ставили метелочку у порога: мол, нет никого дома, заходите в другой раз!» Простодушие, доверчивость и строгость — это, мне кажется, отличительные черты северян. Они были свойственны моей маме и в какой-то степени передались мне.

Что осталось в памяти

Ученые мужи пишут, что ребенок запоминает события только после трех лет, а более ранние воспоминания основаны на пересказах взрослых. Но мои самые первые воспоминания относятся к совсем раннему периоду моей жизни и пересказать мне их было некому...

Я родилась в 1942 году в городе Котласе, где работали актерами мои мама и папа. Шла война. Самое первое воспоминание — это скорее ощущение добра, заполнившего пространство вокруг. Оно ко мне ласково, мне в нем хорошо, тепло и спокойно, хотя сейчас меня куда-то несут в пеленках. Мне не страшно, ну, несут и несут. Оказалось, принесли показать раненому соседу, почти мальчику. Несла меня его мама, я помню расположение комнат, помню часть обстановки у нас и соседей, где на кровати лежит этот раненый мальчик, а его мама сажает меня ему на грудь, покрытую белой простыней, и щебечет, щебечет, как птичка, стараясь порадовать сына. Я мала настолько, что еще не умею стоять, да и сидеть еще не очень могу — меня поддерживают под